

— Тебе хорошо?

Шань Циншань едва слышно отозвался, выглядя куда холоднее, чем мгновение назад.

— Если хорошо, почему молчишь?

В насмешливых персиковых глазах Чжоу Чуна плясали искорки смеха.

Он ущипнул Шань Циншаня за щеку:

— Маленький немой?

Шань Циншань отмахнулся от его руки, встал и начал одеваться.

Одевался он даже быстрее и бесстрастнее, чем обычный партнёр по сексу.

На мгновение Чжоу Чун растерялся.

Они ведь встречаются, разве нет?

Чжоу Чун поднялся, хотел взять вчерашнее банное полотенце, но, взглянув на него, понял — пользоваться нельзя.

Он подхватил свои брюки, наспех натянул их и, даже не застегивая ремень, так что они свободно висели на бедрах, пошел следом в ванную.

— Не хочешь еще поспать?

— Нужно на съемки. — Голос Шань Циншаня звучал хрипло и очень сексуально.

Чжоу Чун нахмурился, обнял его сзади и положил подбородок ему на плечо, явно выражая недовольство.

— И опять не предупредил заранее? На этот раз надолго?

— На месяц.

— Так долго... Неудивительно, что со вчерашнего дня ты такой страстный. Решил выдать всё авансом? Ну что, Сокровище, насытился?

— Не дури. Дай умыться.

Чжоу Чун прислонился к стене:

— Когда вернешься, будет Праздник середины осени, а следом мой день рождения. Поедешь со мной домой к родителям?

Шань Циншань на секунду перестал умываться. — Нет.

Ответ прозвучал так сухо, что Чжоу Чуну стало не по себе.

Это был далеко не первый раз, когда Шань Циншань отказывал ему.

Уже в энный раз.

Они вместе три года, и родители Чжоу Чуна знают о существовании Шань Циншаня.

Старики часто зовут его в гости, посидеть, поужинать.

Но Шань Циншань просто не идет.

Не хочет знакомиться с семьей.

Не хочет делать их отношения публичными.

За три года отношений он так и оставался тайным любовником. Если папарацци и ловили их в объектив, все списывалось на крепкую мужскую дружбу.

Черт, как же это бесит.

В груди поселилась глухая обида.

Чжоу Чун был типичным мажором — наследником состояния, которое семья копила несколько поколений. Денег и влияния у них было неприлично много. В своём кругу его называли не иначе как наследным принцем пекинской элиты.

За всю жизнь Чжоу Чун мало чего боялся.

Словно судьба специально подкинула ему человека, способного его обуздать.

Появился Шань Циншань.

Чжоу Чун влюбился в него с первого взгляда, целый год настойчиво добивался и только потом они начали встречаться.

В общей сложности прошло уже четыре года.

А Шань Циншань все так же холоден.

То ли это Шань Циншань такой непробиваемый, то ли это он, Чжоу Чун, не способен его отогреть?

Эта мысль, возникавшая уже бесчисленное количество раз, снова всплыла в душе, стягивая сердце колючей лозой. Было больно.

Чжоу Чун спросил:

— Тебе не нравятся мои родители?

— Нет.

— Значит, тебе не нравлюсь я?

— Не задавай бессмысленных вопросов.

Он не стал отрицать.

Лицо Чжоу Чуна помрачнело.

Шань Циншань вышел из ванной, переоделся и спустился вниз.

Даже не позавтракав, он остановился у двери, чтобы сменить обувь.

Обувшись, он не ушел сразу. Стоя в прихожей, он посмотрел на Чжоу Чуна, оставшегося на втором этаже.

Чжоу Чун продержался в своей гордости ровно три секунды, затем вздохнул и покорно спустился к нему.

Он проклинал себя: «Черт, какой же я влюбленный дурак».

Настолько безнадёжный, что Шань Циншаню даже говорить ничего не нужно: стоило просто вот так посмотреть, и Чжоу Чун будто хватал за самое дорогое. Ему одновременно хотелось затащить Циншаня в постель и тут же поднять белый флаг.

И сейчас он сдался.

Ничего не поделаешь.

С Шань Циншанем он всегда был бессилён.

Ну и пусть.

Влюблённость до потери головы — лучшее приданое мужчины.

Он, Чжоу Чун, — истинный древнегреческий бог любовной лихорадки.

— Не хочешь ехать со мной к родителям, а сам стоишь и ждёшь поцелуя? Тц, всё тебе досталось. Маленький обманщик: и меня обвёл вокруг пальца, и сердце забрал, и тело.

— Ты даже брюки нормально застегнуть не можешь.

Шань Циншань протянул руку и застегнул ремень, который болтался на нем все это время.

Чжоу Чун, глядя на него сверху вниз, усмехнулся:

— Опять я виноват? Тут уж не на меня пеняй. Это взрослый, самостоятельный ремень, он требует ответственности от того, кто его расстегнул.

Шань Циншань проигнорировал его шутовство и слегка приподнял голову.

— Так ты будешь целовать или нет?

У них всегда был прощальный поцелуй. Эту привычку Чжоу Чун привил ему долгой осадой и несусветным упрямством.

Чжоу Чун подумал: «Сокровище Циншань сейчас выглядит так, будто выпрашивает поцелуй».

Он наклонился, но в последний момент, когда их губы почти соприкоснулись, передумал:

— Не буду. Останешься в должниках. Буду держать тебя на крючке, чтобы ты по мне скучал.

Шань Циншань явно не ожидал этого, на его лице на миг отразилось замешательство.

— Не будешь?

Чжоу Чун:

— Не буду. Попался на крючок.

Шань Циншань опустил глаза, открыл дверь и вышел.

В тот момент Чжоу Чун не знал, что видит его в последний раз в жизни. Так же, как не знал, что через неделю увидит заголовки развлекательных новостей...

«Актер Шань Циншань покончил жизнь самоубийством, прыгнув с крыши».

Полиция вызвала Чжоу Чуна забрать тело.

Чжоу Чун долго стоял перед изуродованным телом, а затем с холодным лицом развернулся, чтобы уйти.

Полицейский догнал его:

— Господин! Если вы его не заберете, господину Шаню некуда будет вернуться. Его отец отказался забирать тело и велел нам просто сжечь его и развеять прах!

Чжоу Чун остановился и обернулся.

Его глаза были налиты кровью, но голос звучал пугающе спокойно, словно он подавлял в себе приступ безумия.

— Это не Шань Циншань. Я еще кое-что ему должен, он бы не покончил с собой. Это лицо изуродовано, как тут можно что-то понять? Вы делали тест ДНК или идентификацию по отпечаткам пальцев? Без подтверждающих документов кто заберет труп домой? О наших отношениях почти никто не знал, с чего бы вам вызывать меня? Это не он.

— Господин, в фотогалерее телефона господина Шаня есть ваши совместные снимки. Мы провели расследование: за два дня до самоубийства он вышел из ваших апартаментов. Экспертиза подтвердила, что это господин Шань. Пожалуйста, окажите содействие следствию. Например, не замечали ли вы чего-то странного в его поведении перед уходом?

Странного?

Да что там могло быть?

Все тот же холод.

Разве что... перед уходом он хотел, чтобы его поцеловали.

— Господин Чжоу?

— Замолчите! — Чжоу Чун взорвался яростью, выговаривая каждое слово:

— Я сказал: это! Не! Он!

Чжоу Чун покинул участок.

Тело в итоге забрали родители Чжоу Чуна.

Сам же Чжоу Чун в это время обзванивал уже восемнадцатого частного детектива, пытаясь найти следы Шань Циншаня.

Больше никто не хотел иметь с ним дела.

Заказы не принимали даже за огромные деньги, а последний детектив, вешая трубку, обозвал его сумасшедшим.

Все знали, что Шань Циншань мертв, и только Чжоу Чун отказывался в это верить.

Когда отец Чжоу вошел в дом, он случайно задел безделушку в прихожей.

Чжоу Чун бросил:

— Поставь на место. Если она будет стоять криво, он расстроится.

Отец поправил вещицу, подошел к сыну и положил перед ним пачку документов.

Это были выписки о банковских переводах.

— Шань Циншань постоянно переводил деньги своему отцу. Суммы огромные.

Отец выложил другой лист — медицинскую карту.

— У него была тяжелая депрессия. Ты знал об этом?

Тяжелая депрессия?

Чжоу Чун взял карту, внимательно изучил её и долго всматривался в имя лечащего врача в самом конце.

— Об этом человеке я никогда не слышал. Найду для Сокровища врача получше.

Отец вышел из себя.

Зачем искать врача мертвому!

— Чжоу Чун! Он мертв!

Чжоу Чун опустил голову, голос его был тихим, но упрямым:

— Нет. Он сказал, что едет на съемки и вернется через месяц. Прошло всего полмесяца.

Отец схватил Чжоу Чуна за воротник и прижал к дивану, но, увидев в его глазах слезы, не смог вымолвить ни слова.

Он медленно разжал руки:

— Он умер. Постарайся поскорее принять этот факт.

После ухода отца Чжоу Чун долго сидел один, сжимая в руках медицинскую карту, пока та не деформировалась.

Спустя долгое время он встал и вытер лицо.

Ничего.

Раз никто не берет его заказы, он сам найдет улики.

Начнет с дома.

Чжоу Чун обыскал каждый уголок и в мусорном ведре нашел мелко изорванную бумагу с почерком Шань Циншаня.

Словно величайшее сокровище, Чжоу Чун долго собирал обрывки воедино, пока не восстановил текст целиком.

Два слова в самом центре верхней строки обожгли ему глаза.

Зрение затуманилось.

«Предсмертная записка».

Ниже были написаны всего две строчки, обе тщательно перечеркнуты ручкой.

С трудом можно было разобрать фразу...

«Когда ты встретил меня, это был пятый год моей любви к тебе».

Слезы брызнули из глаз, Чжоу Чун упал на пол и зарыдал, не в силах сдержать душераздирающую скорбь.

Шестнадцатое число восьмого лунного месяца. День рождения Чжоу Чуна.

Ясно.

Чжоу Чун только что отпраздновал с родителями Праздник середины осени. Вернувшись домой, он скинул туфли и прошёл вглубь комнаты. Сделав пару шагов, он пробормотал:

— Сокровище, не сердись.

Он вернулся, поднял небрежно брошенную обувь и аккуратно поставил её на место.

Собравшись с силами, он пошел на кухню и сварил миску лапши. Поставив её на стол, он откашлялся и, подражая манере речи Шань Циншаня, произнес:

— Твоя лапша долголетия.

Чжоу Чун пересел на другую сторону стола, придвинул миску и, зачерпнув большую порцию, жадно запихнул в рот.

— Всё-таки у Сокровища золотые руки, очень вкусно.

Голос сорвался.

Слезы капали прямо в миску, смешиваясь с лапшой, которую он продолжал глотать.

Ночь шестнадцатого числа восьмого лунного месяца.

В небе сияла полная луна.

Смотритель кладбища обнаружил тело Чжоу Чуна перед могилой Шань Циншаня.

<http://bllate.org/book/19795/1950901>